

ДРЕВНЕКИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Авторы: Т. В. Ивченко

ДРЕВНЕКИТАЙСКИЙ ЯЗЫК (вэньянь, вэньяньвэнь), нормативный традиционный китайский литературный язык, начавший формироваться с 14 в. до н. э. в долине р. Хуанхэ и, позднее, на более обширной территории Великой Китайской равнины.

В своей письм. форме Д. я. стал общим лит. *койне* для всей Юго-Вост. Азии (Япония, Корея, Вьетнам) и выполнял эту функцию вплоть до нач. 20 в., когда в результате движения «4 мая» (1919) в Китае офиц. письм. лит. языком был объявлен байхуа (букв. – понятный язык), начавший формироваться на основе живых диалектов Сев. Китая ещё в период Шести династий (420–589 н. э.).

Д. я. относится к *сино-тибетским языкам* (кит. ветвь). Не существует единого мнения относительно природы Д. я. Большинство исследователей придерживается той точки зрения, что он сформировался на основе живых доцинских диалектов и отражает разг. язык эпохи до 3 в. до н. э. Некоторые же синологи, и не без основания, полагают, что Д. я. представлял собой специально разработанный письм. язык, обслуживавший поначалу акты ритуальной коммуникации и изначально не имевший прямого отношения к разг. языку.

В истории формирования Д. я. выделяют неск. периодов: архаический (14–11 вв. до н. э.) – язык надписей на гадательных костях 2-й пол. эпохи Шан-Инь; ранний доклассический (10–8 вв. до н. э.) – язык надписей на бронзовых сосудах эпохи Зап. Чжоу; поздний доклассический (7–6 вв. до н. э.) – язык надписей на т. н. каменных барабанах, а также язык «Книги истории» («Шу цзин») и «Книги стихов» («Ши цзин»), включающей пласты вплоть до 11 в. до н. э.; ранний классический (5–3 вв. до н. э.) – язык историч. хроник, конфуцианской и даосской классики; поздний классический (2 в. до н. э. – 2 в. н. э.) – язык «Исторических записок» *Сыма Цяня*; постклассический (3–5 вв. н. э.). В качестве занимающего центр. место в истории Д. я.

также выделяют период 5–2 вв. до н. э., именуемый классическим.

Уже к классич. периоду наметились существенные расхождения между письм. и разг. формами Д. я. Письм. форма, отличавшаяся большой консервативностью, перестала быть понятной носителям разг. кит. диалектов. Для овладения ею требовалось спец. обучение, а для понимания текста – спец. комментарии. Особенно резким противопоставление письм. и разг. языка стало во время правления династии Тан (618–907 н. э.), когда учёные, поэты и литераторы решили очистить Д. я. от нараставшей примеси разг. элементов и искусственно вернули ему стиль и манеру письм. языка доцинской эпохи. В этот период можно уже говорить о сложившейся диглоссии. Тем не менее и в последующие эпохи элементы разг. языка постоянно проникали в Д. я., в осн. через буддийскую лит-ру, поэзию и драматургию.

В классич. лит-ре до 3 в. до н. э. встречаются упоминания о диал. различиях между отд. царствами, на которые делился Китай в то время. Различия в употреблении служебных слов также позволяют предположить, что конфуцианские классич. трактаты, с одной стороны, и историч. хроники – с другой были написаны носителями разных диалектов. В первые годы н. э. Ян Сюном был составлен глоссарий «Фанянь» (букв. – местные речения) – список междиалектных соответствий с указанием их ареала. Судя по географич. названиям, упоминаемым в нём, в тот период каждое царство имело свой диалект, при этом наиболее явно противопоставляются 2 их большие группы – западные и восточные. Однако Д. я. имел прежде всего наддиалектный характер, и к 3 в. до н. э. диал. различия между памятниками практически исчезают, свидетельствуя о процессе постепенной стандартизации и унификации др.-кит. языка.

Д. я. относится к слоговым языкам изолирующего типа (см. также Изолирующие языки). Фонетика Д. я. скрыта за иероглификой, но в структуре иероглифа есть часть, указывающая на его приблизит. произношение, – фонетик. Слог в Д. я. взаимно однозначно соответствует иероглифу, а иероглиф – морфеме или слову (исключения крайне редки). Слог принято делить на инициаль – начальный согласный (или сочетание согласных) и финаль, или рифму. Финаль, в свою очередь, делится на медиаль (может отсутствовать), основную слогаобразующую гласную и конечный

согласный.

Для Д. я. реконструируются следующие группы начальных согласных: губные (p-, ph-, b-, m-, hm-, w-, hw-), шумные переднеязычные (t-, th-, d-, ts-, tsh-, dz-, z-, s-), сонорные переднеязычные (n-, hn-, l-, hl-, r-, hr-), среднеязычные (j-, hj-), заднеязычные (k-, kh-, g-, ng-, hng-, x-), огубленные заднеязычные (лабиовелярные) (kw-, kwh-, gw-, ngw-, hngw-) и глоттальные (h-, ʔ-, ʔw-). Для консонантизма характерны: наличие лабиовелярных согласных (в т. ч. лабиовелярной гортанной смычки), перешедших впоследствии в сочетание заднеязычных с медиалью -u-, звонких непридыхательных, впоследствии либо исчезнувших, либо подвергшихся палатализации перед медиалью -i-, глухих пар для всех сонорных и носовых; функционирование как r-, так и l- в качестве инициали; отсутствие губных фрикативных и зубных шипящих (появились лишь в ср.-кит. языке).

В качестве инициали могли выступать также и сочетания согласных: практически любой согласный мог иметь после себя звук l-, впоследствии выпавший, но повлиявший на качество последующего гласного. В начале слога перед сонорными, некоторыми зубными и лабиовелярными реконструируется префикс s-. Начальный префикс h-, озвончавший последующую взрывную инициаль, оформлял некоторые переходные глаголы, делая их непереходными или пассивными. Для случаев, когда в ср.-кит. яз. рифмуются слоги с начальным носовым и с взрывным, реконструируется префикс N-, функция которого до конца не ясна. Система начальных сочетаний согласных позволяет реконструировать для Д. я. примитивную морфологию, что корректирует утверждение об изолирующем характере кит. яз. на протяжении всей его долгой истории.

В вокализме 6 осн. гласных (i-, e-, i-, a-, u-, o-), а в качестве медиали, повлиявшей впоследствии на качество предшествующего согласного или осн. гласной, выступали разл. варианты (до 4) гласного i-. В качестве медиали реконструируются также -r- и -l-.

В конце рифмы мог встречаться лишь огранич. набор согласных, в основном носовые и имплозивные: -j, -w, -k, -t, -kw, -p, -ng, -n, -m.

Вопрос, был ли Д. я., как и совр. кит. язык, тональным языком, остаётся открытым.

Кит. исследователи сходятся во мнении о наличии тонов в Д. я. (реконструируя либо все 4 тоновые категории, либо только 3, считая падающий тон поздним образованием), в то время как мн. зап. синологи делают предположение об отсутствии тонов в Д. я., объясняя их происхождение прежде всего трансформацией системы конечных согласных.

История грамматики Д. я. представляется как процесс её постепенного усложнения. Архаический Д. я. отличается очень огранич. набором служебных слов (в осн., это предлог $у_2$ 'в, на'), грамматич. конструкций и моделей глагольного управления, что частично объясняется стандартностью формы гадательных надписей (содержательно надписи состоят из двух частей: вопрос гадателя/повод гадания – результат гадания) и ситуации. Надписи на бронзе, хотя и связаны преим. с одной и той же ситуацией дарения, представляют собой уже более объёмные тексты, включающие информацию о том, кто, когда, кому и в связи с чем преподнёс данный бронзовый сосуд. Основной же набор грамматич. средств выражения появился лишь в раннеклассич. и классич. периоды. В последующие эпохи Д. я. постоянно обогащался лексич. и грамматич. заимствованиями из разг. диалектов и байхуа.

В Д. я. практически отсутствует морфология в традиц. понимании; др.-кит. морфология сводится лишь к незначит. количеству словообразоват. моделей, при этом лексика Д. я. по преимуществу состоит из односложных слов. Двусложные слова составляют её незначит. часть, а трёхсложных практически нет.

В Д. я. нет именного и глагольного словоизменения, а основными средствами выражения грамматич. значения являются служебные слова («пустые» слова в кит. терминологии) и порядок слов в предложении. К «пустым» словам относятся союзы (напр. ze_2 'в таком случае, таким образом'), предлоги (напр., $у_2$ 'в, на') (практически все предлоги в Д. я. глагольного происхождения) и частицы, которые по их позиции в синтагме можно разделить на начальные, конечные и употребляющиеся в середине предложения. В конце предложения ставятся восклицательные (напр., $zāi$) и вопросит. частицы (напр., $hū$), а также маркер номинативного предложения $у_ě$ и конечная модально-временная частица $у_ї$, выражающая изменение состояния. Частицы fu_2 и gai_4 маркируют начало нового высказывания, а частица/маркер

синтагмы zhe3, употребляющаяся в середине, обычно выступает маркером топика. Имеются в Д. я. и кванторные слова вроде jie1 'все', и маркеры синтагмы типа suo3 'то, что', функция которого состоит в экстрактировании объекта из глагольно-объектной конструкции. Частица zhi1, которую иногда считают универсальной, маркирует атрибутивную конструкцию, особенно в тех случаях, когда определение выражено предикативной конструкцией, а также употребляется в функции показателя зависимого предложения: если субъектно-предикатная конструкция не является самостоятельной, а входит в состав более сложной единицы, то между субъектом и предикатом ставится частица zhi1.

В классич. варианте Д. я. имеется как минимум четыре основных отрицания: bu4, wu2, wu4, wu2; последние два – модальные формы отрицания ('нельзя', 'не надо').

В Д. я. есть особый вид частиц, которые являются результатом слияния двух др. служебных элементов. Так, частица yan1 – результат фузии и , – результат фузии и , а отрицание fu2 часто выступает как результат фузии bu4 и zhi1.

Как и в совр. кит. языке, организующим центром предложения в Д. я. является предикат, который без связки может быть выражен глаголом, прилагательным и числительным. Номинативное предложение оформляется конечной частицей ye3. Как и в совр. кит. языке, в предглагольной позиции может появляться неск. номинативных групп, тогда как имеется только одна постглагольная позиция. Лишь небольшое количество глаголов способно принимать два объекта в постпозиции, при этом второй из них обычно маркируется предлогом.

Осн. особенности грамматиц. строя Д. я.: размытость границ между единицами разных языковых уровней (морфема – слово – словосочетание – предложение), частеречная полифункциональность знаменат. лексем (немаркированное употребление одной части речи в функции другой), возможность контекстуального опущения служебных слов (отсутствие требования обязательности их употребления), опущение в поверхностной структуре контекстуально заданных или выводимых из прагматической ситуации элементов и параллелизм как один из основных принципов построения предложения или высказывания. Параллелизм можно считать дополнит. грамматиц. средством др.-кит. языка.

Категория времени выражается контекстуально (прагматическим контекстом), модальными глаголами (напр., 欲 *yù* 'хотеть' часто маркирует буд. вр.) и служебными словами (напр., показателем буд. вр. 将 *jiāng*¹). В Д. я. существуют также показатели страдательного (见 *jiàn*⁴, букв. – видеть) и возвратного залогов (自 *zì*⁴, букв. – сам).

Типичный порядок слов в Д. я. – «субъект+ предикат + объект», но существуют и многочисл. случаи вынесения дополнения в предглагольную позицию, а также правило постановки местоименного дополнения в предглагольную позицию в отрицат. конструкциях.

В традиц. тексте на Д. я. нет знаков препинания и пробелов между иероглифами, текст располагается сверху вниз и слева направо, поэтому служебные частицы (особенно начальные и конечные) и параллелизм в построении фразы можно считать своеобразными знаками препинания, задающими разбивку текста и облегчающими его восприятие.

Литература

Лит.: Karlgren B. *Grammata Serica Recensa* // *The Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*!. 1957. № 29; Лю Цзиннун. Ханьюй вэньянь юйфа. Пекин, 1958; Ван Ли. Ханьюй ши гао. Пекин, 1957–1958. [Т. 1–2]; Dobson W. A. C. H. *Late Archaic Chinese, a grammatical study*. Toronto, 1959; idem. *Early archaic Chinese, a descriptive grammar*. Toronto, 1962; Яхонтов С. Е. *Древнекитайский язык*. М., 1965; Крюков М. В. *Язык иньских надписей*. М., 1973; Старостин С. А. *Реконструкция древнекитайской фонологической системы*. М., 1989; Baxter W. A. *A handbook of old Chinese phonology*. В.; N. Y., 1992; Карапетьянц А. М., Тань Аошун. *Учебник классического китайского языка вэньянь*. М., 2001.

Словари: Ханьюй да цыдянь. [Чэнду], 1984; Ханьюй да цыдянь. Пекин, 1998.